

ной категории опасных объектов и п. 8 ст. 29 данного закона, следовательно, устанавливал специальный срок начала действия норм закона в отношении одной из разновидностей опасных производственных объектов. В настоящее же время наблюдается противоречие между страховым законодательством и законодательством о промышленной безопасности. В принципе с учетом изменившихся критериев идентификации опасных производственных объектов п. 8 ст. 29, с одной стороны, можно рассматривать как норму, устанавливающую дополнительную четвертую категорию опасных объектов. С другой стороны, такое толкование из буквального смысла нормы, на наш взгляд, не следует. Кроме того,

очевидно, что при принятии Закона о страховании ответственности владельца опасного объекта учитывалось, что жилые дома с лифтами являются опасными производственными объектами. В связи с этим, полагаем, требуется новая оценка со стороны законодателя необходимости страхования гражданской ответственности за вред, связанный с использованием лифта в многоквартирном доме, исходя из того, что последний не является опасным производственным объектом. Положительным результатом такой оценки должно стать внесение изменений в ст. 5 Закона о страховании ответственности владельца опасного объекта путем дополнения ее соответствующей категорией опасных объектов.

УДК 347

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО В СОСТОЯНИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ,
В РИМСКОМ ПРАВЕ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В РУССКОМ
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

**Legal Regulation of Compensation for the Damage Caused for Reasons
of Urgent Necessity as Considered in the Roman Law
and its Reception in the Russian Civil Law**

Д. А. Филимонов – доцент кафедры гражданского права Омской юридической академии, кандидат юридических наук

D. A. Filimonov – Associate Professor of the Civil Law Department of the Omsk Law Academy, Candidate of Law Sciences

***Аннотация.** В статье предпринята попытка обратить ретроспективный взгляд на правовое регулирование нормами римского права возмещения вреда в целом и вреда, причиненного правомерными действиями, в частности. При этом сделан вывод о том, что римское право признавало вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, как причиненный правомерными действиями, в результате чего причинитель вреда освобождался от обязанности по его возмещению.*

In the article the attempt is made to take the retrospective view of the Roman law regulation in respect to damage compensation on the whole and the damage caused by justifiable actions in particular. The conclusion is made that the Roman law confessed the damage caused for reasons of urgent necessity as damage caused by justifiable actions, as a result of which a damager was released from compensation obligation.

Ключевые слова: вред, крайняя необходимость, деликт, правомерное поведение, рецепция.
Damage (harm), urgent necessity, delict, justifiable behavior, reception.

Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, прошло длительный и своеобразный путь развития.

Уяснению теоретических и практических аспектов данной проблемы во многом способствует историческое исследование вопроса о том, как общество реагировало на факт причинения вреда одним лицом другому. Это обеспечивает глубокое познание сущности социальных и правовых идей и явлений, их экономического и социального содержания, а следовательно, их объективной обусловленности и практической значимости. Исторический подход позволяет также обнаружить главные направления развития правовых форм социальных связей субъектов рассматриваемых отношений, с учетом которых и должны формулироваться те или иные предложения по совершенствованию и развитию гражданского законодательства¹.

При этом представляется необходимым обратиться ретроспективный взгляд к истокам формирования в результате исторической эволюции предпосылок для обособления обязательств, возникших из причинения вреда, в отдельный вид обязательств. В этом плане особого внимания заслуживает исследование правового регулирования возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, в римском праве. Известно, что многие современные юридические конструкции складывались на основе элементарных понятий, категорий и сентенций, разработанных римской юриспруденцией и закрепленных в римском праве².

Под обязательством (лат. – *obligatio*) римские юристы понимали такую правовую связь, в силу которой одна сторона имела право требовать от другой исполнения какого-либо действия. Правомочную сторону они называли кредитором (верителем), обязанную – дебитором (должником)³. Но архаическое гражданское право не знало абстрактной категории «обязательство», оно оперировало отдельными, строго определенными формами обязательств. Лишь впоследствии, когда от ряда отдельных случаев юристы перешли к комплексному построению этого понятия,

в ранней юриспруденции на систематической основе разрабатывалось учение об источниках обязательств. Все имеющие место случаи сводились к двум главным типам: сделки (законные действия) и деликты (незаконные действия).

Система деликтных обязательств в Риме характеризовалась тем, что существовал определенный исчерпывающий перечень случаев, в которых возникали такие обязательства. Однако не было установлено общего правила о том, что всякое недозволенное действие, нарушающее чьи-либо права или интересы, порождает обязательство у лица, совершившего такое действие в отношении потерпевшего. В древнейшем римском праве правонарушение сопровождалось установлением для деликвента ответственности независимо от наличия субъективной вины.

В процессе дальнейшего развития права наличие вины у лица, совершившего частный деликт, т. е. такое правонарушение, которое было направлено против «прав и интересов отдельных частных лиц, а не прав и интересов государства в целом»⁴, стало необходимым условием для признания в конкретном случае деликта. Таким образом, законченное понятие частного деликта предполагало три элемента: 1) объективный вред, причиненный противозаконным действием одного лица другому; 2) вина лица, совершившего противозаконное действие; 3) признание со стороны объективного права данного действия частноправовым деликтом, т. е. установление частноправовых последствий деяния, применяемых в порядке гражданского процесса⁵.

Первый элемент деликта указывал на то, что вред должен быть причинен противоправным действием лица, совершенным вопреки запрету или велению норм права, который должен найти объективное выражение. Такое действие всегда связывалось с нарушением чьего-либо интереса, защищаемого объективным правом.

Виновность лица, совершившего противозаконное действие, предполагалась лишь в том случае, когда правонарушитель совершал действия преднамеренно. Преднамеренность включала в себя способность лица понимать и формировать свою волю (поэтому исключалась ответ-

¹ См.: *Чорновол Е. П.* Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями организаций и их должностных лиц. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1984. С. 9.

² См.: *Новицкий И. Б.* Римское право. М. : Норма, 1996. С. 11.

³ См.: *Хвостов В. М.* Система римского права. М. : Спарк, 1996. С. 13.

⁴ *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М. : Юрид. лит., 1972. С. 26.

⁵ Там же. С. 29.

ственность умышленного или ребенка), а также злой умысел, под которым понимается осознание лицом самого факта нарушения чужих прав⁶.

Третий элемент деликта предполагал, что даже если конкретным действием реально нарушен чей-то интерес и правообладателю причинен имущественный или моральный вред, но этот интерес не защищен правом, то действие причинителя не является незаконным⁷.

Римскими юристами было замечено, что защищаемые правом интересы могли быть нарушены не только противоправными действиями, но и силами природы, а также действиями, которые лишь по характеру напоминают действия противозаконные, так как причиняют объективный вред, но таковыми не являются. В римском праве существовало положение, что при известных условиях действие, по своему внешнему эффекту представляющееся вторжением в чужую сферу субъективных прав и охраняемых правом интересов, не считается правонарушительным. Это имело место в случаях, если действие совершается: 1) во исполнение обязанности, возложенной законом, или по предписанию власти, или если оно не выходит за пределы субъективного права действующего лица; 2) в состоянии необходимой обороны против неправомерного вторжения в существующие фактические отношения; 3) в состоянии крайней необходимости или крайней нужды, когда приходилось жертвовать каким-нибудь менее ценным благом для сохранения более ценного (например, корабль без вины шкипера запутался в рыболовных сетях и их пришлось разрубить либо для прекращения пожара пришлось снести соседний дом); 4) некоторые действия утрачивали правонарушительный характер, если они совершены с согласия потерпевшего лица⁸.

В связи с этим в классическом римском праве ответственность за невиновное действие лица, в результате которого был причинен вред, наступала только в редких случаях. По словам В. М. Хвостова, подобная «ответственность являлась исключением из общего правила и допускалась лишь в силу особых соображений»⁹.

Но в основном вред, причиненный при таких обстоятельствах, не подлежал возмещению.

Так, состояние крайней необходимости могло приводить иногда к нанесению кем-либо повреждений чужому имуществу, но потерпевший не получал в этом случае иска на возмещение. Примером этого может служить следующее высказывание из Дигест: «Лабеон также пишет, что не следует предоставлять никакого иска, если гонимый бурей корабль наскочил на канаты якорей другого и матросы обрубали канаты, поскольку нельзя было выбраться никаким другим образом, как обрубив канаты»¹⁰. В пункте 8 книги У Сентенций Павла сказано: «Того, кто убьет разбойника, покушавшегося на его жизнь, или кого-либо, кто хотел его изнасиловать, не следует наказывать: ибо один защищал свою жизнь, другой – свое целомудрие от караемого государством преступления»¹¹. В данном случае речь идет о потерпевшем, находящемся в состоянии необходимой обороны при защите своей жизни и чести.

Из этого видно, что римское частное право не знало самостоятельного понятия крайней необходимости и поэтому в чистом виде не решало вопрос о последствиях причинения вреда в таком состоянии. Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод, что при причинении вреда в состоянии крайней необходимости (в современном его понимании) причинитель освобождался от его возмещения.

Резюмируя изложенное относительно регулирования римским правом возмещения вреда, можно сделать следующий вывод. Вред, причиненный противоправными действиями, подлежал возмещению во всех случаях. Напротив, вред, причиненный правомерными действиями, возмещению не подлежал. Исходя из этого, римскими юристами была предпринята попытка дифференцировать основания возложения ответственности на лицо, причинившее вред, в зависимости от характера действий причинителя вреда. Вместе с тем они обратили внимание также на необходимость определения правовых последствий причинения вреда правомерными

⁶ См.: Курс римского частного права : учебник / под ред. Д. В. Дождева. М. : БЕК, 2002. С. 90.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ См.: Хвостов В. М. Указ. соч. С. 191.

⁹ Там же. С. 194.

¹⁰ Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юриспруденция, 2001. С. 40.

¹¹ Юлий П. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. Сер.: Памятники римского права / пер. с лат. Е. М. Штаерман ; отв. ред. и сост. Л. Л. Кофанов. М. : Зерцало, 1998. С. 139.

действиями. И хотя в римском праве не было закреплено общего понятия состояния крайней необходимости, тем не менее основы этой категории и прецеденты правового регулирования возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, были заложены в римском праве. Сообразно этому именно в римской юриспруденции в казуистическом варианте и был поставлен вопрос о категории состояния крайней необходимости.

После распада Римской империи, когда универсальное римское право, которое превратилось из «права собственно римского в некоторое общее право всего античного мира»¹², начинает свое сосуществование с правом германским, характеризующимся отсутствием писаных законов, приспособленным только к несложным условиям натурального хозяйства, Западная Европа встала перед выбором, какую из двух правовых систем использовать при регулировании экономических отношений. В данной ситуации римское право, признающее свободу хозяйственной инициативы и самостоятельности основным двигателем прогресса и способное на основе выработанных им правовых норм регулировать международный экономический оборот, начинает пользоваться огромным влиянием. В процессе рецепции и последующего приспособления римского права к регулированию изменяющихся экономических отношений в той или иной мере были восприняты сентенции римской

юриспруденции относительно ответственности или освобождения от возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, в том числе в состоянии крайней необходимости.

В определенной мере эти положения римской юриспруденции были восприняты также русским гражданским правом. По мере формирования российской государственности, расширения связей со странами Западной Европы, право которых в основном базировалось на нормах римского права, предписания последнего о последствиях причинения вреда правомерными действиями проникают в правовую систему русского гражданского права. Заимствование подобных положений наблюдается в ряде правовых актов Древней Руси и Московского государства, в частности, в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г.¹³ Именно этим объясняется схожесть правового регулирования отношений по возмещению вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, при общей аварии, по нормам римского права и русского гражданского права.

Поэтому имеются веские основания констатировать, что нормы римского права заложили основу становления, развития и совершенствования правового регулирования отношений по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями вообще и в состоянии крайней необходимости в частности, в русском гражданском праве.

¹² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001. С. 51.

¹³ Там же. С. 59.